

Научная статья

УДК 343.98

DOI: 10.18384/2949-513X-2026-2-135-143

МОТИВ КАК ЭЛЕМЕНТ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СТ. 155 УК РФ)

Корнакова С. В.*, **Чигрина Е. В.**

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор, e-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru

Поступила в редакцию 09.04.2026

После доработки 24.04.2026

Принята к публикации 14.05.2026

Аннотация

Цель. Рассмотреть субъективную сторону преступления, в частности, такого её элемента, как мотив совершения преступления, на примере ст. 155 УК РФ.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ подходов учёных к раскрытию содержания категории «мотив преступления», а также классификации возможных мотивов совершения преступления, приведён анализ взглядов исследователей. Основное внимание уделено мотивам разглашения тайны усыновления (удочерения).

Результаты. Поддерживается позиция авторов, предлагающих отказаться от конструирования составов Особенной части УК РФ с использованием словосочетания «низменные побуждения», заменив его на лексическую конструкцию «личные побуждения».

Теоретическая и/или практическая значимость. Обновлена проблематика определения мотивационной составляющей субъективной стороны состава преступления, рассмотрены перспективы совершенствования законодательства.

Ключевые слова: субъективная сторона преступления, вина, умысел, мотив, разглашение тайны усыновления (удочерения), мотивация преступных действий

Для цитирования:

Корнакова С. В., Чигрина Е. В. Мотив как элемент субъективной стороны преступления (на примере ст. 155 УК РФ) // Московский юридический журнал. 2026. № 2. С. 135–143. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2026-2-135-143>.

Original research article

MOTIVE AS AN ELEMENT OF THE SUBJECTIVE SIDE OF THE CRIME (USING THE EXAMPLE OF ARTICLE 155 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

S. Kornakova*, **E. Chigrina**

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

*Corresponding author, e-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru

Received by the editorial office 09.04.2026

Revised by the author 24.04.2026

Accepted for publication 14.05.2026

Abstract

Aim. To examine the subjective side of the crime, in particular, its element, such as the motive for committing a crime, using the example of Article 155 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Methodology. The main content of the study is an analysis of the approaches of scientists to the disclosure of the content of the category "motive of crime", as well as the classification of possible motives for committing a crime, an analysis of the views of researchers is given. The main focus is on the motives for disclosing the secrets of adoption.

Results. The position of the authors, who propose to abandon the construction of the compositions of the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation using the phrase "base motives", replacing it with the lexical construction "personal motives", is supported.

Research implications. The problems of determining the motivational component of the subjective side of the corpus delicti have been updated, and the prospects for improving legislation have been considered.

Keywords: the subjective side of the crime, guilt, intent, motive, disclosure of the secret of adoption, motivation of criminal acts

For citation:

Kornakova, S. V. & Chigrina, E. V. (2026). Motive as an Element of the Subjective Side of the Crime (On Example of Article 155 of the Criminal Code of the Russian Federation). In: *Moscow Juridical Journal*, 2, 135–143. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2026-2-135-143>.

Введение

В российском уголовном праве традиционно под субъективной стороной преступления понимают внутреннюю (психическую) сторону противоправного деяния, содержание которой составляют вина, мотив, цель и эмоции лица, совершающего преступления [1, с. 117]. При этом обязательным признаком субъективной стороны признаётся вина. Факультативными признаками субъективной стороны выступают мотив, цель и эмоции. Обязательное значение для квалификации преступления они имеют в том случае, если прямо указаны законодателем в диспозиции соответствующей статьи.

Вина как обязательный элемент субъективной стороны преступления характеризуется 2 компонентами, находящимися во взаимосвязи друг с другом – интеллектуальным и волевым моментом. В совокупности они определяют психическое отношение лица к совершённомu преступлению, осознание его противоправности, запрещённости уголовным законом, а также осознание неизбежности наступления преступных последствий и желание их наступления. Следует отметить, что данные процессы составляют исключительно дея-

тельность вменяемого лица, т. к. невменяемое лицо не способно осознавать характер своих действий и руководить ими.

Так, характеризуя субъективную сторону разглашения тайны усыновления (удочерения), Ю. В. Морозова отмечает, что данное преступление «совершается с прямым умыслом: лицо осознаёт, что разглашает тайну усыновления, совершает данное преступление с определённой целью – сообщения соответствующей информации лицам, которые не посвящены в эту тайну, осознаёт, что после совершения им определённых действий, сведения, составляющие тайну усыновления (удочерения), станут известны определённому лицу или неопределённому кругу лиц (если совершается через СМИ или сеть Интернет), желает наступления данных последствий»¹.

Субъективная сторона разглашения тайны усыновления (удочерения)

Совершение разглашения тайны усыновления (удочерения) по неосторожности не является уголовно наказуемым. Данное

¹ Морозова Ю. В. Преступления против семьи и несовершеннолетних (ст.ст. 150–157 УК РФ): учебное пособие. СПб., 2020. С. 72.

преступление, по мнению некоторых авторов, может быть совершено и с прямым, и косвенным умыслом. В частности, как полагает В. Ю. Голубовский, в последнем случае субъект предвидит наступление общественно опасных последствий, допускает их наступление, но относится к наступлению возможных общественно опасных последствий безразлично либо надеется на их случайное предотвращение [2, с. 31]. При этом под преступным последствием следует понимать результат действия (бездействия) виновного, направленного на достижение собственной цели, которая может носить как преступный, так и не-преступный характер.

Данная точка зрения является дискуссионной, поскольку возможность разглашения тайны усыновления с косвенным умыслом противоречит формальному составу ст. 155 УК РФ. Тем не менее некоторыми исследователями обосновывается такая возможность [3, с. 37]. Нами разделяется данная позиция, поскольку формальный состав не означает, что последствия нет, а всего лишь означает, что последствия не входят в состав преступления. Но если последствия могут быть, значит, может быть и разное отношение виновного к ним. Возможными последствиями разглашения тайны усыновления могут быть: психическое заболевание ребёнка, его уход из дома, моральные страдания усыновителей и т. п.

В случае совершения преступления специальным субъектом мотивация лица не учитывается и не имеет значение для квалификации. Преступление в данном случае может быть совершено из чувства превосходства, желания показать свою соприкосновенность к значимой для других лиц информации, составляющей тайну, при этом субъект также осознаёт, что игнорирует волю лица, поступает вопреки воле усыновителя.

Здесь стоит отметить, что признаки специального субъекта, уголовная ответственность для которых может наступить по ст. 155 УК РФ, возможно установить исключительно исходя из системного ана-

лиза норм семейного, уголовного, гражданского и гражданского процессуального законодательства, и данный перечень является открытым, т. к. невозможно перечислить абсолютно всех должностных лиц, в силу профессиональных или служебных обязанностей имеющих прикосновенность к тайне усыновления (удочерения). Тем не менее вызывает недоумение выбор законодателем конструкции статьи, по которой уголовная ответственность для общего и специального субъектов не дифференцирована, как это сделано в отношении абсолютного большинства составов Особенной части УК РФ [4, с. 985].

Полагаем, что совершение разглашения тайны усыновления (удочерения) специальным субъектом, который получил доступ к данной тайне вследствие исполнения своих служебных или профессиональных обязанностей, должно быть выделено в качестве квалифицирующего признака. Такое строение нормы, предусмотренной ст. 155 УК РФ, будет отвечать принципу дифференциации уголовной ответственности, а также повысит профилактическую направленность закона.

Так, согласно ст. 139 семейного законодательства¹, сведения, ставшие известными лицам, участвующим в процедуре усыновления, охраняются законом. К таким лицам относятся:

- судья, рассматривающий дело об усыновлении;
- сотрудник ЗАГСа;
- работник учреждения, где пребывал ребёнок до усыновления;
- работник учреждения, осуществляющего надзор за несовершеннолетними.

В частности, думается, что в отношении сотрудников органов ЗАГСа, которые в силу прямого указания закона обязаны хранить тайну усыновления (удочерения) (ст. 47 ФЗ № 143-ФЗ)², ответственность

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Российская газета. 1996. № 17.

² Федеральный закон от 15 ноября 1997 № 143-ФЗ (ред. от 11.02.2026) «Об актах гражданского состояния» // Российская газета. 1997. № 224.

за её разглашение должна быть строже. С этой целью необходимо внести изменения в ст. 155 УК РФ посредством разграничения ответственности для лиц, обязанных хранить факт усыновления (удочерения) как служебную или профессиональную тайну, и для иных лиц. Для этого указанную норму следует дополнить частью второй, закрепляющей увеличение уголовной ответственности для первых из перечисленных лиц, как это имеет место, например, в ст. 118 УК РФ, где ответственность за то же деяние, совершённое вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей, выше.

Вместе с тем укажем, что с позиции мотивации действий для общего и специального субъекта субъективная сторона будет различаться. Так, если субъектом является лицо, получившее сведения об усыновлении (удочерении) в силу исполнения своих служебных или профессиональных обязанностей, то мотив совершения преступления для него не имеет квалифицирующего значения. Но в том случае, если субъектом преступления выступает общий субъект, то для квалификации его действий по ст. 155 УК РФ необходимо совершение преступления с корыстным или иным низменным мотивом.

Мотивация преступного поведения

Следует согласиться с мнением тех авторов, которые говорят о том, что мотивация преступного поведения всегда представляла особый исследовательский интерес. Мотив имеет квалифицирующее значение только в том случае, если это прямо указано законодателем. Если в диспозиции статьи Особенной части УК РФ отсутствует прямое указание на мотив совершения преступления, он не имеет квалифицирующего значения.

Вместе с тем ошибочно полагать, что в таком случае мотивация преступного поведения не имеет значения вообще. В таких случаях изучение преступной мотивации необходимо для изучения личности преступника и может косвенно влиять на

выбор судом вида и меры уголовного наказания. Кроме того, мотив может выступать частью предмета доказывания. Мотив может излагаться законодателем как часть субъективной стороны основного состава преступления, так и квалифицирующим признаком. Из этого можно заключить, что «в большинстве актов преступного поведения побуждения виновного не обладают особой важностью, поскольку общественная опасность содеянного определяется действиями, а не чувствами, создавшими условия для их совершения» [5, с. 113].

На наш взгляд, следует согласиться с определением мотива, который сложился ещё в советской доктрине уголовного права и под которым следует понимать «побуждение, сложившееся у лица под влиянием социальной среды и личного жизненного опыта»¹. Иными словами, в основе формирования мотива как побуждения к совершению преступления, лежит система ценностей, сформированная в сознании субъекта, которой он следует для удовлетворения собственных потребностей.

В основе корыстного мотива, естественно, лежит корысть. Корысть можно понимать как жажду наживы, стремление к обогащению, алчность, материальную выгоду, желание получить иное преимущество, добычу. Корысть всегда характеризуется желанием улучшить собственное материальное положение, получить выгоду. При этом в доктрине уголовного права существует позиция о том, что корыстный мотив и лежащую в его основе корысть можно понимать как в узком, так и широком смысле. В узком смысле корыстный мотив следует понимать как получение материальной выгоды для себя, в широком смысле как «не только получение собственно материальной выгоды, но и любого полезного результата, который может и не иметь материального выражения» [6, с. 125].

Многими авторами высказывается позиция о том, что корысть как преступный мотив всегда сопровождается и иной моти-

¹ Игошев К. Е. Типология личности преступника и мотивации преступного поведения: учеб. пособие. Горький: Горьк. высш. школа МВД СССР, 1974. С. 66.

вацией [7, с. 207]. Так, корысть выступает в качестве основного криминообразующего мотива, но при этом может сопровождаться и иными мотивами: завистью, злостью, ревностью, ненавистью, потребностью разрешить конфликт и т. д. [8, с. 368]. Следует также согласиться с мнением авторов, полагающих, что корыстная мотивация – это не только желание получить от совершения преступления материальную выгоду, но и желание, например, избежать материальных затрат. Исходя из подразделения мотивов на виды, корыстный мотив относится учёными к более обширному типу мотивов, именуемому низменными побуждениями [9, с. 31].

Исходя из анализа судебной практики, к низменным побуждениям, помимо корысти, относят: зависть, злость, ревность, месть, хулиганские побуждения, желание причинить страдания и т. д.

Если устанавливать значение слова «низменный», то его следует рассматривать как «подлый», «бесчестный», «безнравственный», «аморальный»¹. Иными словами, составляющей низменного мотива будет отсутствие представлений о нравственности и морали у виновного, совершившего преступление, т. е. преступник выбирает такой способ удовлетворения преступного побуждения, который свидетельствует о достижении преступной цели любым способом, даже если он противоречит морально-нравственным основам общества. Данный подход к определению низменного мотива является традиционным, но при этом он достаточно сложен для понимания и оценки сути низменного мотива при совершении преступления, в т. ч. и для доказывания [8, с. 168]. Оценка низменного мотива при совершении преступления должна осуществляться с учётом норм нравственности и морали, установившиеся в обществе [10, с. 87].

Сложность определения оценки низменного мотива состоит в том, что УК РФ не даёт критериев оценки данного мотива, при этом один и тот же мотив может рассматривать-

ся как низменный и не являться таковым. В частности, совершение преступления из чувства мести за правомерные действия потерпевшего, совершение преступления из зависти, ненависти будет являться низменным. В то же время преступление, совершённое из мести за совершение неправомерных действий потерпевшим, может быть оценено не в качестве низменного. Соответственно, оценка мотива в каждом конкретном случае должна происходить с учётом всех обстоятельств дела.

Следует отметить, что в следственной практике при отсутствии глубокого анализа оценки мотивационной сферы преступника часто фигурирует формулировка о том, что преступление совершено виновным из личной неприязни, которая может быть сложившейся, длительной, внезапной возникшей и т. д. Такая формулировка не требует доказывания и может получить подтверждение исходя из материалов дела в большинстве случаев. Личной неприязнью объясняют конфликтные ситуации, драки, хулиганские побуждения, нанесение повреждений потерпевшему и иные действия. В отношении разглашения тайны усыновления (удочерения) также может быть использована формулировка «личная неприязнь» [11, с. 114].

Вместе с тем, соглашаясь с мнением других исследователей, полагаем, что использование данной формулировки недопустимо в том случае, если законодатель указывает низменный мотив в качестве составообразующего признака, и в таких случаях низменный мотив нуждается в доказывании и тщательной оценке с целью последующего изложения в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и иных процессуальных документах. Учитывая, что в качестве низменного мотива может выступать выражение широкого круга поведенческих и ценностных установок виновного, необходим их анализ.

Так, в качестве низменного мотива может выступать искажённое представление виновного о добре и зле, справедливости и несправедливости, совести, чести, доверии, может стать также представление

¹ Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: Эксмо, 2006. С. 419.

о собственной исключительности или повышенном чувстве собственной значимости, чувства вседозволенности, как чертах характера виновного, которые позволяют нарушать морально-нравственные ценности общества и незаконным способом вмешиваться в частную жизнь других людей.

Рассмотрим на примере ревности. Ревность как низменное чувство и как низменный мотив совершения преступления является деструктивной эмоцией и проистекает из чувства симпатии к определённой лицу и ненависти к новому избраннику либо исходит из подозрения об измене, на этом фоне подпитываясь из чувства вседозволенности, чувства собственной значимости и незаменимости, побуждает объект к совершению насилия в отношении объекта симпатии и близких ему людей либо совершение иных действий, в т. ч. и раскрытия тайны.

В свою очередь, месть как деструктивная эмоция и низменный мотив порождается искажённым чувством справедливости, неспособностью лица к противостоянию иными способами и побуждает совершать действия, направленные, как считает виновный, к защите собственного достоинства [12, с. 9].

Так, И. А. Уваров разгласил тайну усыновления вопреки воле усыновителя из низменных побуждений при следующих обстоятельствах: xx 2010 г. около 3 часов 13 минут И. А. Уваров, находясь у себя дома, после словесной ссоры со своей бывшей женой У. по поводу уплаты алиментов на содержание Д. из чувства мести к У., не желая платить алименты, умышленно, осознавая общественную опасность и противоправность своих действий, при помощи своего сотового телефона отправил SMS-сообщение на сотовый телефон Д. с текстом, разглашающим тайну его усыновления, тем самым поставив под угрозу нормальное развитие ребёнка. Решением суда И. А. Уваров признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 155 УК РФ, с назначением наказания в виде обязательных работ сроком 120 ч¹.

¹ Приговор от 9 февраля 2011 г. // Архив Аларского районного суда Иркутской области (мировой судья

Кроме того, в случае с разглашением тайны усыновления (удочерения) это может быть месть за то, что потерпевший когда-то обидел виновного лично либо какими-либо действиями, которые в обычной жизни носят незначительный или несущественный характер (не вышел по просьбе коллеги на работу в выходной день, не поделился премией, не занял денег в нужный момент, не отдал в пользование свои вещи, не выполнил просьбу и т. д.).

Зависть как негативное чувство проистекает из невозможности виновного владеть и распоряжаться какой-либо материальной или нематериальной ценностью, несопоставимостью своего социального и материального положения со сравнимым лицом, порождается чувством бессилия и злобы по отношению к тем лицам, которые владеют или имеют то, что недостижимо для виновного [13, с. 223]. Подчеркнём, что не обязательно зависть вызывается негативными эмоциями по отношению к материальному благополучию потерпевшего, зависть может носить и нематериальный характер, например, завистью к тому, что у потерпевшего есть любящая семья, близкие люди, он успешен в карьере или удачлив в жизни. В ситуации с разглашением тайны усыновления (удочерения) чувство зависти может выражаться в том, что у потерпевшего есть семья и ему удалось преодолеть бедность путём усыновления (удочерения) ребёнка и т. д.

Чувства ненависти и вражды как низменный мотив и негативные эмоции обычно базируются на негативных чувствах к определённым социальным группам, а также базируются на чувствах ненависти и вражды к определённой национальности, расе, полу, возрасту. Чувство ненависти и вражды также может лежать в основе экстремистского мотива [14, с. 224], но может и не быть связано с экстремизмом, а базироваться исключительно на бытовой почве и возникать в бытовой среде. Исходя из этого, следует признать, что в случае ненависти и вражды в качестве экстремистских мотивов ненависть

судебного участка № 127).

и вражда приобретают специфические свойства, что выводит экстремистский мотив за рамки низменного мотива, и он требует более тщательной аргументации и доказывания [15, с. 18]. Более того, экстремистский мотив лежит в плоскости мотивационной сферы ограниченного числа преступлений, указанных в Особенной части УК РФ.

Иными словами, в качестве низменных мотивов можно рассматривать месть, зависть, злость, ревность, неприязнь только в том случае, если данные негативные эмоции проистекают из искажённой системы ценностей виновного, имеют ярко выражённую морально-нравственную природу и не имеют специфических свойств, свойственных для экстремистских, хулиганских и иных мотивов, имеющих самостоятельную оценку для квалификации составов, указанных в Особенной части УК РФ и носящих исключительный характер.

Стоит отметить, что ст. 155 УК РФ на практике применяется сравнительно редко. Как в этой связи отмечается исследователями, «причин неостребованности может быть несколько, начиная от высокой латентности и заканчивая отсутствием причин для совершения в социуме данных преступлений, однако размытость оценочной категории «низменные побуждения» также не способствует более широкому применению» [16, с. 379].

Возвращаясь к личной неприязни, укажем, что данное негативное чувство не имеет характера самостоятельного низменного мотива, но выступает в качестве катализатора либо является основой для его формирования. Соответственно, при указании на низменный мотив совершения разглашения тайны усыновления (удочерения) считаем недостаточным указание лишь на личную неприязнь, это оправдано только в тех случаях, когда низменная мотивация раскрывается и через другие действия виновного.

Если же рассматривать перспективы совершенствования законодательства, следует согласиться с мнением о том, что невозможно закрепить понятие низменного мотива, равно как и морально-нрав-

ственные ценности, поскольку содержание и наполнение данного мотива является весьма подвижным. Интересное решение было высказано А. И. Рарогом, который предложил в принципе отказаться от конструирования составов Особенной части УК РФ с использованием словосочетания «низменные побуждения», заменив его на лексическую конструкцию «личные побуждения». Использование схожей формулировки – «иные личные побуждения» – предлагаются и иными исследователями [17, с. 167].

Заключение

Таким образом, в зависимости от того, совершается преступление общим или специальным субъектом, законодатель дополняет ст. 155 УК РФ таким факультативным элементом субъективной стороны как мотив. Так, если преступление совершается специальным субъектом, которому тайна усыновления (удочерения) стала известна в силу выполнения им служебных или профессиональных обязанностей, законодатель не предусматривает мотив в качестве факультативного признака. Если преступление совершается общим субъектом, то преступным будет являться только такое разглашение тайны усыновления (удочерения), которое совершается общим субъектом исходя из корыстного или иного низменного побуждения. При этом если корыстный мотив не вызывает трудностей в квалификации (получение материального блага или иной нематериальной выгоды), то квалификация низменных побуждений на практике вызывает затруднения.

С практической точки зрения доказывание «личного мотива» будет намного проще, т. к. мотивация в этом случае будет лежать в плоскости эмоционально-волевой сферы личности. С одной стороны, она отображает морально-нравственные основы формирования личности, субъективную систему ценностей, с другой – показывает взаимодействие с реальной действительностью на основе этой системы ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Протасевич А. А., Гайков Д. Г. Мотив совершения насильственных преступлений сексуального характера как элемент субъективной стороны преступления и обстоятельство, подлежащее доказыванию // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 116–124.
2. Голубовский В. Ю. Доктринальные вопросы субъективных признаков разглашения тайны усыновления // Проблемы права. 2023. № 3. С. 30–34. DOI: 10.14529/pro-prava230307
3. Кондрашова Т. В. К вопросу о возможности косвенного умысла и легкомыслия в формальных составах преступлений // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2008. № 2. С. 36–38.
4. Макаров А. В., Протасевич А. А., Жукова А. С. Специальный субъект преступления как объект криминологической детерминации // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 6. С. 980–991. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(6).980-991
5. Питулько К. В., Сергеева А. А. Проблемы определения структуры низменной мотивации умышленных преступлений (на примере ревности, мести, зависти, ненависти и вражды) // Право и государство: теория и практика. 2022. № 10. С. 113–115. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_10_113
6. Абельцев С. Н. Корысть и насилие тяжких преступлений против личности: дис. ... канд. наук. М., 1997. 178 с.
7. Аванесов Г. А. 10 глав о мотивации и мотивах. Через призму науки криминологии. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. 303 с.
8. Попова М. А. О некоторых аспектах корыстных побуждений как мотива совершения убийства из корыстных побуждений // Молодёжь и XXI век – 2025: сб. конф. В 5 т. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2025. С. 367–369.
9. Голубовский В. Ю. Проблемы доктринальной оценки объективных признаков разглашения тайны усыновления // Oeconomia et Jus. 2023. № 3. С. 80–88. DOI: 10.47026/2499-9636-2023-3-80-88
10. Мосечкин И. Н. Низменные мотивы в уголовном законодательстве России // Российская наука, инновации, образование (РОСНИО-IV-2025): мат-лы конф. Красноярск: Красноярский краевой Дом науки и техники Российского союза научных и инженерных общественных объединений, 2025. С. 167–171.
11. Соловьева С. Н. Низменные мотивы преступления: понятие и классификация // Теория права и межгосударственных отношений. 2022. Т. 2. № 9. С. 86–89.
12. Боер А. Л. Месть в мотивационной структуре преступного поведения: криминологический и уголовно-правовой аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2002. 229 с.
13. Севостьянов Р. А. Зависть как мотив совершения преступления // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 3А. С. 222–228.
14. Меретуков А. Г. Национальная ненависть или вражда как мотив совершения преступления // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 12. С. 223–225.
15. Гармышев Я. В., Ишигеев В. С., Протасевич А. А. Установление мотивов при квалификации и расследовании преступлений экстремистской направленности: спорные вопросы и их решение // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2025. № 1. С. 14–21. DOI: 10.17150/2411-6122.2025.1.14-21
16. Рарог А. И. Судейское усмотрение при применении уголовно-правовых норм // Вестник Нижегородского университета им. НИ Лобачевского. Серия: Право. 2003. № 2. С. 376–381.
17. Ундольская И. В. «Иные низменные побуждения» как мотив преступления по действующему уголовному закону России // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2019. № 3. С. 165–168.

REFERENCES

1. Protasevich, A. A. & Gaikov, D. G. (2014). Motive for Committing Violent Crimes of a Sexual Nature as an Element of the Subjective Side of the Crime and a Circumstance to be Proved. In: *Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law*, 2, 116–124 (in Russ.).
2. Golubovsky, V. Yu. (2023). Doctrinal Issues of Subjective Signs of Disclosure of the Secrecy of Adoption. In: *Problems Of Law*, 3, 30–34. DOI: 10.14529/Pro-Prava230307 (in Russ.).
3. Kondrashova, T. V. (2008). On the Question of the Possibility of Indirect Intent and Frivolity in the Formal Compositions of Crimes. In: *Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction*, 2, 36–38 (in Russ.).

4. Makarov, A. V., Protasevich, A. A. & Zhukova, A. S. (2019). Special Subject of Crime as an Object of Criminological Determination. In: *All-Russian Criminological Journal*, 13 (6), 980–991. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(6).980-991 (In Russ.).
5. Pitulko, K. V. & Sergeeva, A. A. (2022). Problems of Determining the Structure of the Low Motivation of Intentional Crimes (Using the Example of Jealousy, Revenge, Envy, Hatred and Enmity). In: *Law and State: Theory and Practice*, 10, 113–115. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_10_113 (in Russ.).
6. Abeltsev, S. N. (1997). *Self-Interest and Violence of Grave Crimes Against the Person*: [dissertation]. Moscow (in Russ.).
7. Avanesov, G. A. (2012). *10 Chapters on Motivation and Motives. Through the Prism of the Science of Criminology*. Moscow: Unity-Dana: Law and Law Publ. (in Russ.).
8. Popova, M. A. (2025). On Some Aspects of Mercenary Motives as a Motive For Committing Murder From Mercenary Motives. In: *Youth And The 21st Century – 2025*. Kursk: University Book publ., pp. 367–369 (in Russ.).
9. Golubovsky, V. Yu. (2023). Problems of Doctrinal Assessment of Objective Signs of Disclosure of Adoption Secrets. In: *Oeconomia Et Jus*, 3, 80–88. DOI: 10.47026/2499-9636-2023-3-80-88 (in Russ.).
10. Mosechkin, I. N. (2025). Low Motives in the Criminal Legislation of Russia. In: *Russian Science, Innovation, Education (ROSNIO-IV-2025)*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Regional House of Science and Technology publ., pp. 167–171 (in Russ.).
11. Solovyova, S. N. (2022). Base Motives of Crime: Concept and Classification. In: *Theory of Law and Interstate Relations*, 2 (9), 86–89 (in Russ.).
12. Boer, A. L. (2002). *Revenge in the Motivational Structure of Criminal Behavior: Criminological and Criminal Law Aspects*: [dissertation]. St. Petersburg (in Russ.).
13. Sevostyanov, R. A. (2018). Envy as a Motive for Committing a Crime. In: *Questions of Russian and International Law*, 8 (3A), 222–228 (in Russ.).
14. Meretukov, A. G. (2017). National Hatred or Enmity as a Motive for Committing a Crime. In: *Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences*, 12, 223–225 (in Russ.).
15. Garmyshev, Ya. V., Ishigeev, V. S. & Protasevich, A. A. (2025). Establishing Motives in the Qualification and Investigation of Extremist Crimes: Controversial Issues and Their Solution. In: *Siberian Criminal Procedural and Forensic Readings*, 1, 14–21. DOI: 10.17150/2411-6122.2025.1.14-21 (in Russ.).
16. Rarog, A. I. (2003). Judicial Discretion in the Application of Criminal Law. In: *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series: Law*, 2, 376–381 (in Russ.).
17. Undolskaya, I. V. (2019). "Other Darkest Impulses" as a Motive for a Crime under the Current Criminal Law of Russia. In: *Gaps in Russian Legislation*, 3, 165–168 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Корнакова Светлана Викторовна (г. Иркутск) – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Байкальского государственного университета;
ORCID: 0000-0001-6506-795X; e-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru

Чигрина Елена Владимировна (г. Иркутск) – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Байкальского государственного университета;
e-mail: yelena_chigrina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Svetlana V. Kornakova (Irkutsk) – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Theory and History of State and Law, Baikal State University;
ORCID: 0000-0001-6506-795X; e-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru

Elena V. Chigrina (Irkutsk) – Cand. Sci. (Economy), Assoc. Prof., Department of Theory and History of State and Law, Baikal State University;
e-mail: yelena_chigrina@mail.ru